

Подготовленные сотрудниками путеводители, программы по страноведению и промышленно-экономической жизни Тобольского Севера для работников «Дома туземцев», изданные карты Тобольского Севера широко использовались в работе учреждений, организаций, школ, краеведческих кружков.

Сделаем краткий вывод: став преемником общества «Тобольский губернский музей», «Общество изучения края» сохранило в 20-х гг. XX в. традиции просветительской и краеведческой работы с населением. Общественное объединение стало действенной формой гражданского участия в решении важных социальных проблем региона. Активно вовлекая в социальные функции людей разных возрастов, профессий, образовательного уровня, музей добивался достижения органического единства общегосударственного, этнического и регионального патриотизма, что содействовало становлению гражданского общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав Общества изучения края // Наш край. 1925. № 2–3 (6–7).
2. Протокол собрания Общества изучения края // Наш край. 1923. № 1.
3. Швецова Е. П. Жизнь и смерть Пантелеймона Чукомина // Ежегодник от 31.08.1922 г. Тобольск, 2003. С. 270–272.
4. Отчет Общества изучения края за 1925 г. // Наш край. 1925. № 4 (8).
5. Протокол собрания Общества изучения края от 8.02.1925 // Наш край. 1925. № 2–3 (6–7).

Евгений Борисович ЗАБОЛОТНЫЙ —
проректор ТюмГУ,
доктор исторических наук,
профессор

Владимир Дмитриевич КАМЫНИН —
доктор исторических наук, профессор
Уральского государственного университета

УДК 930.1

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ И МЕСТЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению представлений о функциях историографических исследований в советский и постсоветский периоды развития исторической науки. Основное внимание авторы обращают на дискуссию о том, какие функции выполняют современные историографические исследования. Они отстаивают позицию, разделяемую многими современными специалистами в области историографии, которая не сводит функции историографии только к обслуживанию интересов исторической науки, поскольку у нее имеются свои собственные предмет, объект и задачи исследования.

Историографические исследования всегда воспринимались как неотъемлемая часть исторического познания и в то же время как его специфическая форма. Однако особенности историографического познания прошлого, его основные приемы

The authors regard the development of the views upon the functions of historiographical research in Soviet and Post-Soviet periods paying close attention at the current discussion concerning these functions. The authors share the current point of view that historiography is not the matter of the applied historical studies, but a separate discipline that has its own subject, object and objectives of the research.

Furthermore the authors put forward the issue of a possibility to implement a more positive attitude towards historiographical research carried out during Soviet period.

не всегда оставались неизменными и во многом зависели от той эпохи, в которую они проводились. В зависимости от времени менялось общее отношение к историографии, ее предмету и выполняемым функциям, а также значению для развития исторической науки в целом.

Академик М. В. Нечкина в середине 1960-х гг. писала: «Историография — история исторической науки — сравнительно молодая отрасль исторического знания. Ее возникновение во второй половине минувшего века было встречено всеобщим вниманием, не раздалось ни одного голоса, который бы оспорил ее право на научное существование. Напротив, интерес к ней неизменно возрастал» [1].

С. Л. Пештич писал: «Позднее возникновение русской историографии объясняется не только сравнительно поздним возникновением исторической науки в нашей стране, но и общим отставанием в разработке истории науки, тем более такой, которая непосредственно не связана или связана мало с практическими потребностями человеческого общества» [2]. По мнению В. А. Муравьева, появление «историографической (в дисциплинарном смысле) области исторических наук» было связано с тем, что «историки и философы примерно на рубеже XIX–XX вв. приходят к мысли о том, что представление об историческом процессе есть всего лишь представление и что оно не тождественно реальному историческому процессу» [3].

Следует отметить, что во время своего возникновения историография воспринималась как одна из многочисленных вспомогательных исторических дисциплин, главной функцией которой являлось обеспечение историков сведениями об их предшественниках в изучении той или иной конкретной исторической проблемы.

В советское время в издаваемых научных обобщающих трудах об истории исторической науки в России [4], а также в курсах лекций по русской историографии [5] большое место отводилось осмыслению теоретических вопросов данной отрасли исторических знаний. Благодаря усилиям ученых, специально занимающихся историографическими исследованиями, был повышен статус историографии от вспомогательной исторической дисциплины до специальной отрасли исторических знаний, имеющей свои специфические предмет и объект исследования.

По мнению Л. В. Черепнина, «понятие «историография» имеет более широкое и глубокое значение — значение науки, которая изучает развитие исторической науки в целом в какой-либо стране или в ряде стран, выясняет, как постепенно складывались представления о прошлом человечества, о развитии человеческого общества» [6].

Советские ученые специально подчеркивали, что развитие исторических знаний необходимо рассматривать с классовых позиций. Поэтому историография стала пониматься как «наука, изучающая историю накопления знаний о развитии человеческого общества, историю усовершенствования методов исторического исследования, историю борьбы различных течений в области истолкования общественных явлений, отражающей борьбу классов, историю раскрытия законов исторического развития, историю победы марксистско-ленинской исторической науки над буржуазной псевдонаукой» [7]. В. И. Астахов подчеркивал, что задачей данной науки является «не только дать характеристику последовательного роста знаний в области истории и показать, как расширялось и углублялось понимание отдельных сторон исторического процесса, но и вскрыть классовую сущность и методологическую порочность реакционных течений, показать ограниченность прогрессивных исторических направлений в домарксовской историографии» [8].

Советская эпоха была временем расцвета историографических исследований. Со второй половины 1950-х гг. на страницах исторической периодики стали публиковаться многочисленные историографические исследования по конкретным историческим проблемам. С этого времени историографические исследования становятся модным и достаточно массовым явлением в советской исторической на-

уже. На том этапе большинство из них носили характер «кратко аннотированной библиографии». М. В. Нечкина писала по поводу подобного рода исследований: «Библиографизм», описательность, простая «фактографическая» регистрация вышедшей литературы — вообще «детская болезнь» истории исторической науки» [9]. А. М. Сахаров феномен частных и мелких историографических исследований окрестил «историографическим браконьерством» [10].

С начала 1960-х гг. на страницы исторической периодики было вынесено обсуждение таких важных теоретических вопросов историографии, как периодизация развития исторической науки, особенности и хронологические рамки крупных периодов и более мелких этапов, смысл и задачи историографических исследований и др. Ведущие историографы страны обратились к размышлению о тех функциях, которые должна исполнять историография в обществе. М. В. Нечкина отнесла к важнейшим из них разработку методологических вопросов самой историографической науки. Она писала: «Без их конкретной разработки историография может остаться чисто описательной «фактографической» отраслью, волевым дублирующей историческую библиографию и только излагающей более подробно содержание исторических работ» [11]. В. Е. Иллерицкий полагал, что историограф должен «выработать у историка критическое отношение к наследству, накопившемуся в результате длительного и успешного развития исторической науки в нашей стране» [12].

По мнению С. А. Пештича, «историография является в значительной степени обобщением истории гуманитарных наук. Историю исторической науки нельзя изучать без истории философии, истории политических учений, истории вспомогательных исторических дисциплин и многого другого» [13].

Итогом дискуссий начала 1960-х гг. стало появление очередных томов академического издания по истории исторической науки в России [14]. Характерно, что в них не было высказано никаких дополнений к теоретическому пониманию историографической науки и выполняемых ею функций.

К этому вопросу обратились ученые, читающие курсы лекций по русской историографии в вузах страны. В 1960–1970-е гг. складывается несколько центров, в стенах которых систематически стали вестись серьезные историографические исследования. К таким центрам, кроме ведущих университетов и научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда, можно отнести университеты Днепропетровска, Калинин, Томска, Свердловска. Советские историографы были едины в том, что задачи историографии как специальной отрасли исторических знаний сводятся к тому, чтобы дать знания о развитии исторической науки, охарактеризовать прошлое и современное ее состояние, выявить борьбу и закономерную смену историографических направлений. Однако историографы по-разному понимали, в чем состоит главная функция историографических исследований.

Большая часть ученых полагала, что историографы должны сосредоточить свое основное внимание на изучении историографических источников. В связи с этим конечным результатом их деятельности станут выявленные и проанализированные концепции историков с целью показа степени изученности той или иной исторической проблемы, прироста научных знаний по данной проблеме, выделения слабо исследованных и не до конца исследованных вопросов. По этому поводу А. М. Сахаров писал, что «историография не просто показывает, когда, как и какие возникали концепции, но и раскрывает внутренние закономерности развития исторической науки». Правда, в соответствии с требованиями времени он по-прежнему отводил историографии важную роль «в современной идеологической борьбе двух общественно-политических и социально-экономических систем» и подчеркивал ее большое воспитательное значение, поскольку она «оказывает большое

влияние на формирование творческого начала у молодого исследователя, вырабатывает твердость научных убеждений и пропагандирует материалистическое, марксистско-ленинское понимание истории» [15].

Другое мнение по поводу смысла историографических исследований высказала уральская историографическая школа, которая сложилась в 1960–1970-е гг. в Уральском государственном университете во главе с профессором О. А. Васьковским. Ученый, который первым на Урале в 1968 г. защитил докторскую диссертацию по историографии, был против сведения смысла историографических исследований только к анализу исторической проблематики. Активно изучая Гражданскую войну на Урале, он в то же время рассматривал организацию научных исследований в этой области. Под этим термином О. А. Васьковский подразумевал совокупность организационных, теоретико-методологических, источниковедческих основ, на которые опиралась историческая наука Урала в каждый конкретный период своего развития. Он считал, что наряду с изучением историографических фактов исследователь обязан давать анализ теоретических представлений по конкретной исторической проблеме, изменений в источниковой базе и методах исторического исследования, раскрывать функционирование научных учреждений исторического профиля и формирование кадрового потенциала науки. Особое место О. А. Васьковский отводил рассмотрению творчества конкретных уральских историков, справедливо полагая, что историческая наука делается конкретными людьми. В его научных трудах, а также в работах его учеников биографии уральских историков представлены достаточно широко.

Со временем такое понимание функций историографии получило признание и в других центрах развития историографических исследований, прежде всего в Калининском, где с 1970 по 1978 гг. жил и работал О. А. Васьковский. Н. В. Ефременков и И. Г. Серегина признавали, что выполнить свою функцию может только наука, понимаемая «как история исторической науки — не как история изучения отдельных, пусть нескольких и важных проблем отечественной истории или истории жизни и деятельности ученых, научных школ, направлений, деятельности учреждений и т. д., а именно как история исторической науки, органически включающая в себя все вышеперечисленные и многие другие компоненты» [16].

В годы «перестройки» ряд ведущих историографов страны стал настаивать на том, что историографии должны быть присущи прогностические функции. А. И. Зевелев писал: «Ценность историографического труда во многом определяется наличием в нем научно обоснованного прогноза. Историограф получает право на выдвижение гипотезы лишь при определенных условиях. Среди них определяющим является зрелость историографического мышления, дающая возможность постановки новых тем и проблем, что достигается на базе историко-партийного подхода» [17]. Н. В. Ефременков и И. Г. Серегина полагали, что выполнение прогностической функции историографических исследований возможно на основе извлечения исторического опыта, обращения внимания на «те уроки истории, которые связаны с наиболее близкими к сегодняшнему дню или с еще продолжающимися историческими процессами». По словам этих историографов, «их изучение и осмысление помогает найти ответы на многие вопросы, выдвигаемые современной жизнью». Эти авторы подчеркивали, что в условиях резкого возрастания спроса во всех слоях населения на историческое знание, именно историография должна «играть основную роль в повышении эффективности качества исторических исследований, в усилении социальной функции истории, в формировании у советских людей историчности мышления» [18].

С тех пор историографы стали активно подталкивать к тому, чтобы они в своих исследованиях давали «практические рекомендации» по поводу того, какие проблемы в исторической науке изучены хорошо, а какие пока являются недостаточно исследованными, и на что, в связи с этим, следует обратить особое внимание истори-

кам. Ни одна современная историографическая диссертация не обходится без перечня таких проблем. По этому поводу хорошо высказался В. А. Муравьев, по словам которого «т. н. экспертные и прогностические функции историографии, включающие оценку полученных современниками результатов в сопоставлении с предшествующим опытом науки, функции «катализатора ее дальнейшего развития», прибора для определения «важнейших точек роста науки», перспективных исследовательских направлений и проблем, пока остаются по вполне понятным причинам вымученной забавой наивных кандидатских диссертаций и не влияют сколько-нибудь значительно на развитие собственно исторических исследований» [19].

Однако уже в эпоху «перестройки» некоторые авторы стали обращать внимание на определенные сложности, которые возникли перед историографией, «поскольку история исторической науки самым тесным образом связана с идеологической сферой и отражает ее состояние». Н. Н. Алеврас отмечала, что главная сложность историографических исследований состоит в том, что историограф вынужден «решать сложные вопросы, связанные с оценкой исторических концепций, классовых, мировоззренческих основ исторических взглядов представителей различных направлений исторической науки». Хотя она считала, что кризисное состояние советской исторической науки не могло не отразиться на эффективности историографических исследований, тем не менее, делала оптимистический вывод о том, что историографическая наука вполне может справиться с решением поставленных перед ней задач, если историограф будет вооружен глубокими знаниями по истории, философии, истории философии, будет обладать широкой эрудицией в обществоведческих и гуманитарных дисциплинах [20].

Сомнения авторов в том, что в условиях кризиса исторической науки историографическая отрасль исторических знаний сможет исполнять свои функции, породили в последние годы революционное желание вообще «закрыть» историографические исследования. Такую идею часто высказывают некоторые радикально настроенные историки, у которых почему-то сложилось крайне негативное отношение к работе историографов. В. П. Булдаков договорился до того, что в новых условиях «казалось, этот жанр в своем монографически-монументальном виде как особая форма имитации работы мысли в исторической науке должен был уйти в небытие, уступив место критически-провоцирующим статьям» [21]. Критики современных историографических исследований считают историографию «легким» жанром научных сочинений, к которому обращаются «несостоявшийся специалист по «всеобщей истории», от которого требуется основательное знание зарубежной литературы и источников, равно как и неувердившийся специалист по «отечественной истории», от которого ожидается работа с многочисленными периферийными и центральными архивами» [22].

Непонимание функций историографических исследований приводит к тому, что к работе историографа предъявляются явно завышенные требования, которые должны выполняться «чистыми» историками, профессионально изучающими конкретную проблему. А. Г. Еманов пишет: «Для формирования историографического видения требуется целая жизнь, причем жизнь на пределе активности, максимальной включенности в европейскую и мировую академическую среду. Судьбы выдающихся историков позволяют говорить об определенной логике обращения к историографическим сюжетам: первую часть жизни историк занимается конкретными историческими штудиями, шлифуя до совершенства свою исследовательскую технику, затем он обращается к вопросам истории культуры, требующим более высокого уровня обобщения и знания мировой историко-культурологической традиции, и лишь после этого переходит к историографии, становящейся как бы итогом жизни ученого в науке» [23].

Из подобного высказывания следует, что ученый-историк может обратиться к историографическим «сюжетам» лишь выйдя на пенсию, а писать историографию

ческие исследования, тем более обобщающие, «честный» историк вообще не имеет права, ибо у него на это никогда не хватит времени.

Одним из дискуссионных вопросов, который давно дебатруется в специальной литературе, является вопрос о необходимости и мере использования в историографических исследованиях исторических источников, в том числе архивных. Авторы данной статьи уже писали о том, что один из крупнейших уральских историографов О. А. Васьяковский, создатель уральской историографической школы, считал, что в работе историографа с историческими документами выделяются два аспекта. Историограф обязан работать с архивными фондами, в которых отражается деятельность научных исторических учреждений и творческая лаборатория исследователей изучаемой проблемы. По мнению ученого, для объективной оценки исторических трудов историограф обязан знать также конкретный исторический материал в объеме, необходимом для формулировки собственной точки зрения по дискуссионным вопросам анализируемой проблемы. Для выполнения данного условия совершенно необязательно, чтобы историограф проводил всестороннее исследование всех без исключения источников по данной проблеме, ибо это является задачей исторического исследования [24].

А. В. Иванов и А. Т. Тертышный, используя в своем историографическом труде исторические источники, подчеркивают: «Обращение к документам, данным статистики необходимо было лишь для того, чтобы, во-первых, вскрыть и понять причины имеющихся в литературе фактических расхождений и несоответствий; во-вторых, с целью формулирования и подтверждения собственной точки зрения по тому или иному вопросу» [25].

Мы разделяем эту точку зрения и считаем чрезмерным требование ряда историков, склонных обвинять историографов в «верхоглядстве» за недостаточное использование ими исторических источников. Так, В. А. Данилов полагает, что историографу «в большинстве случаев необходимо дополнить свои рассуждения собственным позитивным материалом для создания объективной картины действительности. При этом вполне возможно выявить не только недостатки, но и фактические неточности изучаемых работ. В результате может возникнуть более точная, адекватная картина происходящего. Это и будет в определенной степени решением поставленной задачи» [26].

Вызывает недоумение сентенция А. Г. Еманова, о том, что «действительное историографическое изыскание не может ограничиваться обзором только опубликованных работ; оно, непременно, должно опираться на архивный материал» и поучение историографов в том, что является историографическим источником [27]. Высказанные им соображения давно вошли в практику историографических исследований. Еще академик М. В. Нечкина писала о том, что «исследования личных архивов — также область историографического изучения, они — источник для историографии» [28]. Если историограф будет пытаться реализовать пожелание А. Г. Еманова обратиться «к инструментарию *oral history*, интервьюированию современников, непосредственных участников и свидетелей историографического процесса» [29] и рассматривать все это в качестве историографических источников, то его произведения будут относиться не к научному жанру, а к столь распространенному в последнее время жанру *folk history*, в котором пишут об нашей истории Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко, С. Валянский, Д. Калужный, А. Шамбаров, Э. Радзинский и многие другие авторы.

Авторы данной статьи разделяют мнение В. А. Муравьева, который считает, что историографам не следует отбиваться от нападков на них со стороны историков, которые порою склонны считать, что историография порой не выполняет возложенных на нее исторической наукой функций. В. А. Муравьев совершенно справедливо отмечает, что историографическая область отечественной исторической науки на современном этапе располагает целым рядом реальных достижений. По

его мнению, главным достижением данной отрасли исторических знаний является сохраненный «внутренний мир историографии как дисциплины» [30].

Серьезные ученые-историографы смотрят на функции современных историографических исследований совершенно по-другому. В. А. Муравьев предлагает задуматься над тем, «где место давно сложившейся и развитой дисциплины — историографии — в обновлении методологии исторического изучения, в создании соответствующей социальным ожиданиям системы исторических представлений?» Отвечая на этот вопрос, автор подчеркивает: «Действительно, впервые в истории отечественной и мировой историографии (как специальной дисциплины) в исследовательские задачи этой отрасли включались не только эволюция исторической мысли, труды историков, концепции, их обоснование и аргументация, но и такие факторы, как социальные запросы и ожидания, условия существования и поддержания исторического знания, тип организации науки и научного процесса, воздействие на науку государственной политики и др. Круг изучаемых в области историографии факторов вышел далеко за пределы собственно исторического труда прошлого, охватив всю сферу исторического моделирования в целом от исходной точки — социального запроса — и до выхода, до распространения полученного исторического знания в обществе [31].

При ответе на этот вопрос можно согласиться и с В. С. Прядиным, который призывает подвести черту «под «старой» историографией», что означает для автора «коренной пересмотр проблематики, методологических основ, принципиально новую формулировку задач и средств дальнейших научных изысканий». Он справедливо подчеркивает, что необходимо «совершенно по-новому взглянуть на условия и этапы развития науки, «закрывать» немало тем, направлений исследований как надуманных, искусственных или не имеющих какой-либо актуальности сегодня» [32].

Современные историографы критикуют расхожее мнение о том, что у историографического познания не может быть собственного предмета исследования, ибо современные исторические исследования не реконструируют прошлое, а конструируют его. Г. С. Криницкая связывает появление такого мнения с методологической анархией, «с кризисом познавательного потенциала формационной теории» и переходом «к различным направлениям постмодернизма или «нового историзма», определяемого как лингвистический поворот в истории, при котором игнорируется приоритет систематически формализованного понятийного аппарата логики» [33]. Н. В. Иллерицкая пишет по этому поводу: «Но это не означает произвола историка по отношению к прошлому, так как конструирование осуществляется в жестких рамках, ограниченными объективно существующими свидетельствами, интерпретация которых зависит от историка и несет на себе печать времени. Основываясь на этом, можно утверждать, что историческое видение вырастает не из фактов. Теории изобретаются в мышлении и затем, подобно сетям, забрасываются в океан событий, и то, что попадет в ячейки (а это зависит от мощности теории), и будет фактом науки. Историю всегда пишет человек, а он в принципе не может дать перечень «чистых», свободных от теоретической интерпретации фактов. Значит, теорий будет столько, сколько имеется концепций, сквозь призму которых происходит явная и неявная оценка фактов, а, следовательно, и их отбор». Говоря о современных историографических исследованиях, она подчеркивает: «Все вышесказанное полностью относится к историографическому исследованию. Только историограф конструирует совершенно осознанно, всегда руководствуясь известной ему теорией, и отбор историографических фактов осуществляет, опираясь на нее» [34].

В современных исследованиях высказывается несколько точек зрения по вопросу о том, чем должна заниматься историография на новом этапе развития исторической науки в России.

Часть историографов продолжает отвечать на поставленный вопрос с традиционных позиций. Для них историография по-прежнему выполняет вспомогательную функцию по отношению к исторической науке в целом. Г. Д. Алексеева считает, что и в новых условиях историография «занимает свое, особое место в системе исторической науки, играя роль своеобразного эксперта полученных результатов, катализатора ее дальнейшего развития, определяя важнейшие точки роста науки, перспективные исследовательские направления и проблемы, оценивая не только итоги пройденного наукой пути, но и сам путь ее движения к тому состоянию, в котором она оказалась под влиянием самых различных причин» [35]. В. И. Усанов и В. А. Лабузов добавляют, что «историография раскрывает условия развития исторических знаний, расстановку классовых и общественно-политических сил, остроту социальных и идейных противоречий. Без учета этих обстоятельств невозможна объективная оценка исторических воззрений историков. При этом выделяются различные направления теоретических поисков, показывается противоборство различных идей и школ» [36]. По мнению А. Л. Шапиро, главная задача историографа должна состоять в том, чтобы помочь историкам «разобраться в специальной литературе, научить критически относиться к ней, выбирать самостоятельно темы для исследовательской работы и избегать промахов, как в научной, так и в практической, прежде всего в педагогической, работе» [37]. В. А. Данилов полагает, что историограф должен «выяснить, проанализировать, что сделано, достигнуто, на базе каких материалов проведено исследование, выявить теоретические представления изучаемых авторов, уточнить их методологические позиции» [38]. Количество высказываний подобного рода можно продолжить.

Большая часть специалистов в области историографии критикуют понимание историографии как вспомогательной исторической дисциплины и считают, что в новых условиях историографические исследования выполняют совершенно другие функции. Как никогда, в настоящее время востребовано то понимание функций историографии, которое было заложено уральской историографической школой во главе с профессором О. А. Васьковским. По словам академика В. В. Алексеева, «особенностью уральской историографической школы можно считать, кроме рассмотрения конкретной проблематики, приоритетное внимание к изучению вопросов организации научных исследований в стране в XX в.; персоналий крупнейших представителей отечественной исторической науки, методологии исторических исследований» [39].

С. В. Кондратьев и Т. Н. Кондратьева пишут: «Вопрос о том, что писали историки, всегда занимал историографа. Однако в последнее время такой подход все меньше и меньше удовлетворяет исследователей. Сегодня ярко выражен интерес к судьбам «больших» ученых и их менее известных, «заурядных» коллег. Осознается, как мало изучена история тех многочисленных научных учреждений, коллективов и периодических изданий, которые обильно и многообразно проросли на историческом ландшафте в первые 10–15 послереволюционных лет, а также история его регулярно повторяющихся «прополок». Сегодня хочется знать не только, что писали исследователи, но и как писались исторические произведения пять или шесть десятилетий тому назад, как зарождались и формулировались темы исследований, какие культивировались подходы, каковы были методы убеждения оппонентов, какие поведенческие стереотипы считались нормативными в научном сообществе, какой использовался язык, как, говоря словами современной книги, историки мыслили?» [40].

Современные историографы полагают, что история исторической науки не должна замыкаться на функции обслуживания исторических исследований, а может и должна решать свои собственные задачи. М. Б. Свердлов подчеркивает, что

«историографический процесс» по своей сути — это автономная «история исторических идей» [41]. По мнению В. А. Муравьева, в новых условиях историография должна изменить свои функции, не сводить их только к сбереганию наработанного наследия и «к декоративным косметическим реформам», а выйти на новый уровень обобщения и решить для себя, «в какой мере поиск новой методологической парадигмы в истории ведет к подобному поиску в историографических исследованиях и в какой мере эти последние могут содействовать методологическому и концептуальному обновлению?» [42]. М. Ю. Лачаева полагает, что «если сегодня ограничить историографические работы только анализом «эмпирически зримой цепи сменявших друг друга с течением времени историографических школ», то едва ли удастся понять логику развития историографии. Поэтому, видимо, историческая мысль все чаще изучается как процесс, обусловленный системными связями историографии с данным типом культуры, развитием исторических знаний в смежных с историей науках: философии, социологии, социальной психологии, географии, естествознании и др.» [43].

Высказывается и новое понимание места историографических исследований в ряду других научных дисциплин. С. П. Бычкова и В. П. Корзун полагают, что «в современном сообществе историографов наблюдается тенденция к пониманию предмета историографии в более широком, междисциплинарном поле. Историография как наука осмысливается на стыке науковедения, истории культуры, социальной истории. В связи с этим обращается внимание не только на производство научного знания, но и на потребление и распространение его. Современные исследователи все чаще обращаются к таким категориям, как «историографический быт», «культурное гнездо», «социокультурная традиция», «интеллектуальный ландшафт», «интеллектуальный дискурс» и др. При этом историографу интересуют не только та или иная историческая концепция «на выходе», но и индивидуально-личностная ее компонента, процесс ее создания, распространения, влияния и судьбы» [44].

В связи с этим многие авторы рассматривают историографию как составную часть интеллектуальной истории и полагают, что на первый план в историографических исследованиях в последнее время выдвигаются историко-культурные аспекты, по словам Л. П. Репиной, «будь то анализ конкретного текста или ситуации, отдельной творческой личности или межличностных отношений в интеллектуальном сообществе» [45]. С. П. Бычков и В. П. Корзун полагают, что функции историографии «не сводятся исключительно к фиксации или проявлению по аналогии с фотографией текущего процесса историописания, она сама разворачивается как интеллектуальная история. И в этом качестве историография отражает в себе указанные новации гуманитаристики» [46].

В. А. Муравьев подчеркивает, что подобное понимание функций историографии пока «не повлекло соучастия в историческом синтезе, соответствующем ее значимости». По его словам, «ни национальное историческое самосознание, ни исторический образ собственной страны (историческая самоидентификация), ни система исторических представлений об окружающем мире, образ стран и народов этого мира («историческая имагология») пока не стали сколько-нибудь существенным элементом общих представлений об отечественной истории и культуре» [47].

Авторы данной статьи считают, что историография может жить собственной полнокровной жизнью и решать задачи, выполнение которые по силам только ей. В связи с этим они хотят привлечь внимание читателей к тому, что всегда и в прошлом и в новых условиях историографические исследования выполняли и выполняют среди других важную функцию сохранения культурной памяти, которая предотвращала превращение историков в «Иванов — не помнящих родства», и желание многих из них периодически начинать писать историю «с чистого листа».

В подтверждение данной мысли сошлемся на высказывание профессора Центра русских исследований Будапештского университета С. Дюле, который подчеркивает, что функция сохранения культурной памяти особенно присуща русской национальной историографии. Он так определяет ее сущность: «В исторической науке всегда были сильны национальные традиции. Иначе и быть не может, ибо именно в задачи историков данной страны в основном входят поиски и анализ отечественных историков. Однако национальная историография проходит в своем развитии различные периоды, и каждый из них накладывает свой отпечаток на изучение отечественной истории, запечатлевается в коллективной памяти. Русский историк воспитывается на работах своих соотечественников: в школе он учится по их учебникам, его родители воспитывают его по историям, услышанным от своих родителей и т. д. Этим я хочу подчеркнуть огромную роль, которую играет традиция и особенно историография независимо от декларируемой национальной принадлежности, историко-философской системы и проявленных эмоций» [48].

Данное высказывание иностранного автор особенно актуально звучит в настоящее время, когда в исследованиях некоторых наиболее радикально настроенных историков прослеживается желание вычеркнуть из истории многое из сделанного предшественниками. По справедливым словам А. В. Трофимова, «в очередной раз в отечественной истории представители Клио стремятся изменить знаковую систему символов, пересмотреть приоритеты развития науки в угоду очередным модным поветриям. Воистину история не учит тех, кто не желает у нее учиться» [49].

Особенно заметно стремление некоторых авторов раз и навсегда избавиться от советской историографии. Наиболее хлесткие оценки советской историографии давались в первой половине 1990-х гг. Ю. Н. Афанасьев определял ее как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [50]. По словам А. А. Искандерова, «марксизм, по-существу, вывел историю за пределы науки, превратил ее в часть партийной пропаганды» [51].

На рубеже XX–XXI столетий оценки советской историографии стали более дифференцированными. Либеральные авторы, как и прежде, считают, что феномен советской историографии не заслуживает никакого уважения. По словам А. П. Логунова, «условия советского строя обрекали любое корпоративное объединение на полное подчинение или уничтожение. Историографическая традиция, сформировавшаяся в 20-е гг., во многом определила весь облик советской исторической науки, сделав ее органичной частью «великого» социального проекта большевиков» [52].

В то же время Г. Д. Алексеева полагает, что «в современных условиях выработка научно обоснованных подходов к изучению истории XX в. связана с критическим осмыслением господствующих ранее в советской исторической науке объяснений и оценок фактов эволюции науки, деятельности коллективов, творчества отдельных ученых. Радикальные изменения возможны только на пути отказа от устаревших позиций и фальсифицированных представлений о науке XX в., сохранения в то же время всего ценного и перспективного, что было создано в прошлом коллективными усилиями историков и историографов в изучении России, ее экономики, государственности, политики, культуры» [53]. А. Н. Сахаров признает, что на современном этапе развития исторической науки «пристальным вниманием пользуются достижения советской историографии, особенно достижения в области конкретной истории с одновременным отказом от тоталитарных оценок в науке, от препарируемых в советское время основных положений марксизма» [54].

Между этими двумя мнениями, радикально расходящимися в оценке советской историографии, существует еще и исследовательская практика, в ходе которой со-

временные авторы оперируют работами советских историков. Как это делается на практике, хорошо подметил А. П. Логунов. Проанализировав 150 авторефератов докторских и кандидатских диссертаций и около 50 текстов рукописей диссертационных исследований, защищенных в последние годы соискателями научных степеней в области истории, автор пришел к интересным наблюдениям. Он пишет: «Авторы всех без исключения работ (т. е. 100%) заявляют о своем разрыве с определенными качествами советской историографии, которая представляется излишне политизированной (71%), идеологизированной (58%), не дающей возможности ставить и решать избранную проблему (42%), ориентирующей исследователей на прямые фальсификации (13%), приводящей к монополии одной группы историков (14%)». В то же время А. П. Логунов сделал любопытный вывод. По его словам, сказанное выше, «однако, не предполагает, что труды предшественников радикально отвергаются или опровергаются. Подобный радикализм отличает всего лишь 5% рассмотренных работ. Основная масса диссертантов, напротив, заявляя о том, что их исследование принадлежит к «новой» традиции, тем не менее, предпочитают давать лишь позитивные оценки упоминаемым ими работам, адресуя критику безымянным исследователям или отдельным авторам» [55].

Авторы данной статьи далеки от мысли призывать к реабилитации советской историографии, хотя и считают, что подходить к оценке работы, проделанной советскими историками, следует дифференцированно, «отделяя зерна от плевел». Мы пишем о роли историографических исследований, которые должны выполнять функцию сохранения культурной памяти, историографической традиции, а не множить «белые пятна» и создавать новые «фигуры умолчания» в истории исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: Историография истории СССР. М., 1965. С. 6.
2. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. С. 16.
3. Муравьев В. А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) // Рубеж истории: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 21.
4. См.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1; 1960. Т. 11.
5. См.: Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957; Илееричский В. Е. Русская историография второй половины XIX в. (лекции для студентов Московского историко-архивного института). М., 1957; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1959. Ч. 1; и др.
6. Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. С. 4.
7. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 6.
8. Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Ч. 1. С. 9.
9. Нечкина М. В. История истории. С. 7.
10. Цит. по: Муравьев В. А. История, исторический источник, историография, история исторического познания. С. 21.
11. Нечкина М. В. История истории. С. 7.
12. Историография истории СССР (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1961. С. 7.
13. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. С. 5.
14. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III; 1964. Т. IV.
15. Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978. С. 6, 7.
16. Ефременков Н. В., Серегина И. Г. Историография истории СССР. Тверь, 1991. С. 2.

17. Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 6.
18. Ефременков Н. В., Серегина И. Г. Введение в изучение историографии истории СССР. Калинин, 1988. С. 25.
19. Муравьев В. А. История, исторический источник, историография, история исторического познания. С. 23.
20. См.: Алеврас Н. Н. Методические рекомендации по организации самостоятельной работы при изучении курса «Историография истории СССР». Челябинск, 1989. С. 4.
21. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 322.
22. Еманов А. Г. Между историографией и псевдоисториографией // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2003. Вып. III. С. 223.
23. Там же.
24. См.: Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т. О. А. Васьковский — историк исторической науки // Россия в XX в.: история и историография. Екатеринбург, 2002. С. 15.
25. Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть в период Гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002. С. 26.
26. Данилов В. А. Некоторые замечания по поводу научных работ по историографии // Европа. Вып. III. С. 222.
27. Еманов А. Г. Между историографией и псевдоисториографией. С. 223–224.
28. Нечкина М. В. История истории. С. 10.
29. Еманов А. Г. Между историографией и псевдоисториографией. С. 224.
30. Муравьев В. А. История, исторический источник, историография, история исторического познания. С. 22.
31. Там же. С. 20, 23.
32. Прядеин В. С. Актуальные вопросы методологии историографических исследований. Екатеринбург, 1995. С. 3.
33. Криницкая Г. С. Историческая концепция Б. Н. Чичерина. Томск, 2001. С. 3–4.
34. Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. М., 1998. С. 13.
35. Алексеева Г. Д. Предисловие // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 4.
36. Усанов В. И., Лабузов В. А. Историография отечественной истории: с древнейших времен до 1917 г.: Курс лекций. В 2 ч. Оренбург, 2000. Ч. 1. Эпоха феодализма. С. 7.
37. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. 2-е изд. С. 4.
38. Данилов В. А. Некоторые замечания по поводу научных работ по историографии. С. 222.
39. Алексеев В. В. Введение // Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Шишкин И. Г. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века. Тюмень, 2003. С. 5.
40. Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX в.). Европа: международный альманах. Тюмень, 2003. С. 5–6.
41. Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996. С. 14.
42. Муравьев В. А. История, исторический источник, историография, история исторического познания. С. 20.
43. Лачаева М. Ю. Предисловие // Историография истории России до 1917 г. В 2 т. / Под ред. М. Ю. Лачаевой. М., 2003. Т. 1. С. 8–9.
44. Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск, 2001. С. 8–9.
45. Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. № 1. С. 9.
46. Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. С. 5.
47. Муравьев В. А. История, исторический источник, историография, история исторического познания. С. 22.

48. Цит. по: Лачаева М. Ю. Предисловие. С. 10.
49. Трофимов А. В. Власть и историческая наука: проблемы отечественной историографии послесталинского десятилетия. Екатеринбург, 2000. С. 4.
50. Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 37.
51. Искандеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопр. истории. 1996. № 1. С. 8.
52. Логунов А. П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. М., 2001. С. 32.
53. Алексеева Г. Д. Предисловие. С. 3.
54. Сахаров А. Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки. 2002: Историограф. вестник. М., 2002. С. 7.
55. Логунов А. П. Отечественная историографическая культура. С. 8.

Геннадий Николаевич ШАПОШНИКОВ —
доцент Уральской государственной
медицинской академии

УДК 621.394(571)

СИБИРСКИЙ ТЕЛЕГРАФ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается история строительства Сибирского телеграфа, соединившего в середине XIX в. европейскую и азиатскую часть России и ставшего составной частью мировой электрической сети. Оно проводилось именно в то время, когда Россия встала на путь освоения Дальневосточного региона страны и проникновения в Северный Китай. Автор доказывает, что все этапы были подчинены решению определенных народнохозяйственных и военных проблем. Обращается внимание на международное сотрудничество в данной сфере.

The author presents the history of Siberian telegraph that in the middle of the 19th century connected European and Asian parts of Russian and that became a component of the world electricity net. The major focus of the article is the geopolitical aspect of Siberian telegraph linked to economic and military issues of the then Russia that started to explore Far East Region and establish relations with China and other Asian states.

В последние десятилетия прошлого века в мире развернулись процессы перехода к информационному обществу. Следствием этого явилось бурное развитие средств передачи данных и информационной инфраструктуры. Более того, Российская Федерация стала важнейшей составляющей мировой телекоммуникационной системы. В настоящее время только АО «Ростелеком» владеет 12 крупными магистральными линиями электросвязи, на которые ложится значительная часть всего мирового информационного обмена [1]. Это вызывает определенный интерес и к истории отечественных средств передачи данных, строительству первых международных телеграфных линий в России, их влиянию на мировую геополитику [2]. Особое место в истории телеграфии занимает самая протяженная линия царской России — Сибирская электромагистраль. Она не только способствовала ускорению всех процессов модернизации страны, особенно ее социально-культурных компонентов, утверждению России в дальневосточном регионе. Эта линия сыграла огромную роль в формировании всей мировой системы телеграфной связи второй пол. XIX в.

Устройство Сибирского телеграфа было напрямую связано с историческими особенностями российской модернизации. Как отметил К. И. Зубков, в России модернизация приобрела форму эпигенеза в двух отношениях: заимствования с За-